

Александр Долгов

РИЖСКИЙ КЛУБ

ЛЮБИТЕЛЕЙ ХРОНОПОРТАЦИИ

Александр Долгов

**Рижский клуб любителей
хронопортации (сборник)**

«Геликон Плюс»

2017

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

Долгов А. В.

Рижский клуб любителей хронопортации (сборник) /
А. В. Долгов — «Геликон Плюс», 2017

ISBN 978-5-9909707-4-8

В новой фантастической повести «Рижский клуб любителей хронопортации» Александра Долгова, бессменного главного редактора культового журнала Fuzz и автора книги «Цой. Черный квадрат», ставится главный вопрос: возможно ли было спасти Цоя? Действие повести начинается в Петербурге в наше время. Рассказ ведется от лица героя – студента исторического факультета СПбГУ, который однажды получает интернет-послание от... самого себя. Письмо отослано с его же электронного адреса, но из далекого будущего, когда ему уже за пятьдесят. Отправитель предлагает юноше «прыгнуть» в прошлое, чтобы спасти «последнего героя» от автокатастрофы, и информирует о существовании портала времени, якобы находящегося в Риге. В книгу также вошли другие произведения автора, ранее не издававшиеся.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9909707-4-8

© Долгов А. В., 2017
© Геликон Плюс, 2017

Содержание

Рижский клуб любителей хронопортации	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Долгов
Рижский клуб любителей
хронопортации: Повесть и рассказы

Иллюстрации Алексея Вайнера

Рижский клуб любителей хронопортации

Повесть

Мне исполнилось двенадцать, когда не стало родителей, и с той поры уже минуло шесть лет. Два года назад мне вдруг выплатили компенсацию за их гибель, так появилась возможность оплатить обучение в университете. Будто *оттуда* в нужный момент отозвались, ведь на бюджетное отделение исторического факультета сам я вряд ли поступил бы. Как говорит мой дядя, старший брат отца, у которого я живу, «матушка лень родилась раньше меня». Что правда, то правда – ленив я до крайности, хотя «способности есть, и хорошие, только ума не хватает их приложить» (это тоже дядины слова). Куда бы я пошел учиться, неизвестно, но тут «свалились с неба» такие деньги... Двести тысяч долларов – сумма огромная. Но, поверьте: не раздумывая вернул бы их до последней копейки и в придачу отдал бы трехкомнатную сталинскую квартиру, переписанную на меня дядей к совершеннолетию, только бы они воскресли. Да разве такое возможно?

До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что мамы и папы давно нет. Удивительно – по ночам снятся порознь, а ведь умерли вместе, можно сказать, в одно и то же мгновение, как в волшебной сказке. Но не сказка это, а страшная беда, когда оба были в самом расцвете. До сих пор не могу им простить, ну чего ради они вписались в этот злополучный рейс, летели ли бы после посещения Святых мест в Питер – нет, взяли билеты до Новосибирска: «Прости, сынок, нас неожиданно пригласили на симпозиум, всего два дня работы, и мы вернемся домой». Как же – вернулись... Остались на веки вечные на дне Черного моря во чреве искромсанного ракетными осколками самолета. Понимаете ли, военные учения там проходили! Человеческий фактор подвел! Не тот тумблер включили! «Только не надо делать из этого трагедию, ошибки бывают всюду», – сказал после катастрофы в оправдание президент со смешной для русского уха фамилией соседней братской страны, ответственной за крушение гражданского самолета. Что бы он сказал, если бы в сбитом самолете находились его сын или дочь. На самом деле – дочь. У него единственная дочь – я в «Вике» специально посмотрел.

Наверное, не солгу, сказав, что не проходило и дня с тех пор, чтобы я не вспомнил о своих бедных родителях, и мысль о том, что я лишен простой возможности сходить к ним на

могилку, терзала мою неокрепшую душу, хотя и утешал себя в дни особой горести: они для меня навсегда остались живыми и молодыми...

Вот и в тот, по-летнему теплый майский вечер, когда я маялся от безделья, бесцельно слоняясь по квартире, привычно думал о них. Недолго посидел за компьютером, но погружаться с головой в паутину Интернета не хотелось, гулять – тоже. Может, почитать? Я был дома один, дядя задерживался на работе. Он – искусствовед, специалист по русской живописи, работает экскурсоводом в Русском музее. Экскурсии проводит в основном для иностранных групп, поскольку в совершенстве владеет немецким, но ему не влом просто побродить по залам или подменить заболевшего коллегу, чтобы провести экскурсию со школьниками. Помню, как он рассказывал про одно внезапное замещение, которое едва не закончилась конфузом: сорванцы-пятиклашки во время дядиных заоблачных разглагольствований о высоком искусстве привязали бечевкой хлястик его пиджака к антикварной вазе, стоявшей на парадной лестнице второго этажа Михайловского дворца... Короче, только хорошая реакция школьного педагога спасла положение – не иначе, это был учитель физкультуры, – но юных экскурсантов дядя с тех пор побаивается. Наши соседи за глаза называют его женоненавистником, но это не так – слабый пол ему интересен, точно про это знаю: в моей маме, например, он души не чаял, и детей маленьких любит, – просто в жизни не повезло, не встретил свою половинку, а теперь, видимо, поздно думать о женитьбе – в этом году мы справили его шестидесятилетний юбилей.

Когда хлопнула входная дверь, возвестив о запоздалом приходе дяди, я выглянул в коридор из гостиной и сообщил ему о том, что приготовил отличный грибной суп с перловкой – готовить я люблю и умею. В руках я держал вороненый томик Германа Гессе, который вытащил из книжного частокла на полке за пять секунд до явления моего дядюшки, – «Степной волк». Книгу мне уже давно рекомендовали прочесть знающие люди, включая дядю, да всё руки как-то не доходили, хотя она стояла себе на полке – меня дожидалась.

Дядя, сухо сообщив, что сыт и есть не будет, чем меня, понятно, обидел, сразу же уединился у себя в комнате, прихватив с собой целую кипу каких-то умных книг; он такой – книжный червь, с головой погруженный в любимое дело.

Ну а я поплелся в гостиную, по дороге заглянув в оглавление: рекомендованный роман оказался на удивление небольшим и был добит парой-тройкой других произведений, мне дотоле неизвестных. В нетерпении я зашуршал на ходу листами книги – предстояло прыгнуть на страницу 223... и тут мне под ноги спикировала старая открытка необычной квадратной формы. Я поднял ее: оказалось – не открытка, а цветная полароидная фотография – групповой снимок. Посмотрел, пригляделся внимательнее и остолбенел! Этого фото я никогда раньше не видел. На нем был мой молодой папа в красной ветровке, на одной руке он держал двухгодовалого карапуза в синем комбинезоне, то есть меня, в другой – я всмотрелся, и мне показалось, что это – чёрный томик Германа Гессе (!), а рядом стоял... Ни за что не догадаетесь! Сам Виктор Цой! Надо же, про него говорят – «Человек в черном», а тут он в синих джинсах и светлой куртке. Может, и не он? Я перевернул фотку и увидел размашистую подпись, сделанную белым маркером по черному квадрату оборотной стороны снимка: «Удачи! В. Цой», а внизу, на белой рамке, уже шариковой ручкой и другим почерком, чтобы не забыть время и место: «13.08.1990, Юрмала, улица Йомас, дом 48» и совсем в уголке – время «14:05».

Да-а, дела...

И в это самое время круглосуточно работающий комп дзынькнул, сообщив о том, что в электронный ящик свалилось очередное письмо. Не знаю, чего ради я прервал размышления об ошарашившей меня фотографии и решил глянуть, от кого послание – скорее всего автоматически, согласитесь, что это вполне можно было сделать и позже. Увидев адресата и дату отправки письма, обомлел... потерял дар речи... у меня отвисла челюсть... со мной чуть не случился удар – всё вместе и по отдельности! Забыв про Цоя и «Степного волка» я попытался врубиться... Мать честная! Да письмо-то ИЗ БУДУЩЕГО! Отправлено с моего же адреса, под

моим ником, то есть самым мной, и датировано годом, когда мне должен был стукнуть полтинник – просто охренеть! К письму прилагались три вложения, отображенные в окне браузера декоративной скрепкой – «фенькой», характерной для Hotmail, услугами которой я пользуюсь по привычке всю сознательную жизнь; да, знаю-знаю, это нетипично для отечественного пользователя, ну что поделать, если я – белая ворона. Озадачили меня и четыре латинские буквы, заявлявшие тему: WCTM. Ума не приложу, что бы означал этот буквенный квартет, совершенно ни о чем мне не говорящий. Первое, что я испытал, был испуг – мы все страшимся всего неизвестного, необъяснимого, и я поставил галочку в «квадратике» и отправил сообщение в корзину с прочим мусором и тупо уставился на экран. Сердце отчаянно билось, готовое вылететь из грудной клетки, я с трудом перевел дыхание, ещё не осознавая, с чего это вдруг так переволновался? Не прошло, наверное, и минуты, как в папку «Входящие» плюхнулось ещё одно письмо – в «теме» стояла строчка-разъяснение: «Дело касается родителей».

Я в смятении хлопнул крышкой ноутбука, стремясь поскорее избавиться от пугающей неизвестности.

Чтобы как-то прийти в себя и успокоиться я пошел на кухню и дрожащими руками приготовил себе большую чашку горячего шоколада. Пил его нетерпеливо, жадно, обжигая язык и нёбо, отбивая зубами по тонкому фарфору мелкую дробь, точно морзянку. Тягучий сладко-приторный напиток мне явно пошел на пользу. Придя в себя, я постарался собраться с мыслями – что же такое со мной приключилось?

«Дело касается родителей» – фраза, заявленная в теме второго письма, заставила вернуться в гостиную. Я поднял крышку ноутбука, включил компьютер. По обыкновению, он загружался довольно быстро, наверное, секунд двадцать-двадцать пять, но на этот раз мне показалось, что он грузится бесконечно долго. Наконец все заработало, я забрался в почтовый ящик и ахнул – все окно браузера оказалось забитым «нераспечатанными» письмами, отмеченными, как и положено для непрочитанной почты, жирным шрифтом. Письма приходили чуть ли не каждые десять секунд, будто по составленной заранее программе... Темы всех писем по-прежнему касались родителей, кроме самого первого. Для начала я восстановил его из корзины— нужно было разобраться, что это за таинственная аббревиатура из четырех букв. К тому же мне позарез хотелось узнать, кем подписаны странные письма, и тут меня ожидало разочарование – никем. Совершенно одинаковые короткие послания, и все без подписи. Адресат и ко мне обращался не по имени, а использовал в тексте лишь обезличенное местоимение «ты», хотя мог бы, к примеру, окрестить меня по-свойски «стариком», к примеру, что, наверное, меня бы весьма позабавило.

На самом деле поначалу я оторопел, а потом разозлился: письма-то, хоть и короткие, казались откровенно шизоидными. Судите сами: отправитель на полном серьезе сообщал мне о существовании портала времени, якобы находящегося в мужском туалете ресторана «Рига» в одноименной гостинице одноименного города (!) Вот тут и дошел до меня истинный смысл англоязычной абракадабры («инглиш» я, кстати, знаю неплохо, но «дойч» – еще лучше, поскольку окончил известную всем Петришуле). Она – эта абракадабра – означала не что иное, как «машину времени в сортире»! Вот так просто. Что за идиотизм? В конце послания мне предлагалось добровольно сделать выбор (привожу цитату): «Либо всю жизнь черпать дерьмо лопатой из клозета, либо изменить историю – спасти героя и самому стать им...» Это он намекал на Виктора Цоя, предлагая смотаться в Ригу прошлого века, чтобы предотвратить известную всем автокатастрофу.

И ни слова о родителях! Я все письма перелопатил – ничего! Открыл все приложения – их было прикреплено по три к каждому письму с соответствующими названиями: «устав клуба», «алгоритм хронопортации» и даже «полезные советы», – нигде ничего!

Вот сволочь – ведь сознательно запустил «пулю» – приманку насчет родителей, – чтобы заставить меня перелопатить его «сортирное руководство», и... ничего! Только душу растра-

вил... Я нажал мышкой на слово «ответить» и ожесточенно застучал по клавиатуре, не стесняясь в выражениях, – настроил разгневанное письмо. Отправил.

Через пару секунд дзынькнуло. У меня. Письмо возвратилось, что означало: «мяч влетал только в одни ворота»: у моего неведомого адресата стояло что-то вроде обратного клапана – оттуда письма приходили исправно, а отправить туда я был бессилен. В бешенстве я хлопнул крышкой ноутбука.

Вот так я и узнал об этом чертовом клубе. Мыслей о том, что это был элементарный розыгрыш, ловко устроенный кем-то из друзей или недругов, у меня почему-то не возникло. Более того, я сразу уверовал, что послание пришло каким-то образом из будущего от меня самого – сомнений на этот счет не было никаких. Я ощущал это всей кожей – верилось, и все тут. Другое дело – что с этой клозетной информацией делать дальше, я пока не знал... На удивление, дядя, погруженный по самую макушку в высокое искусство, все-таки уловил мое нервное состояние, стал допытываться, отчего я не в своей тарелке, что мне пришлось объяснить невезухой с латинским языком. «Я знаю, что ничего не знаю», – буркнул я уныло на латыни. А что я мог ему еще сказать? Впереди действительно маячили экзамены, заранее вызывавшие мандраж, а истинной причине он бы все равно не поверил. Короче, посвящать его в эту дерьмовую историю (в прямом и переносном смысле) с самого начала я не планировал – уж как-нибудь сам разберусь. Да к тому же человек я, говоря начистоту, – довольно скрытный, мне бы в разведке работать аналитиком, а не в универе на лекциях штаны просиживать.

С тех самых пор писем из будущего больше не приходило, что, конечно, тоже держало в постоянном напряжении, не давая расслабиться, и возникал закономерный вопрос: а каким это образом там стало известно, что послания дошли и прочитаны? Да, ответить на него я, как ни старался, не мог... Поначалу хотел даже сбросить их в «корзину», забыть раз и навсегда о загадочном эпизоде, но так и не решился – а вдруг существует то, что нам пока в диковину? Да и, по совести говоря, не хотелось рвать тонкую ниточку надежды. А вдруг это действительно единственный, невероятный – хоть пока и неясный – шанс спасти родителей? Так и оставил мэйлы нетронутыми – ладно, думаю, что будет, то будет.

Незаметно подкатило время летней сессии, следовало, пока не поздно, хвататься за учебники, дабы не завалить экзамены. Учился я, как уже упоминал, «через пень колоду», тянул себе лямку наук, не надрываясь, но особых опасений о неудах не было. И действительно три экзамена спихнул на «госоценку», то есть трояк, один – на заслуженное «хорошо», а вот последний, пятый – ненавистную латынь – все-таки завалил. И тут дело было даже не в моих способностях, может, у другого преподавателя я вырубил бы даже твердую «четверку», но только не у Обморока – уж больно злопамятным он оказался. (Это я про Валентина Петровича, нашего преподавателя латинского языка, говорю. «Обмороком» студенты прозвали его с незапамятных времен из-за нездоровой худобы и вечных синюшных кругов под глазами – видимо, от чрезмерного курения). А все потому, что как-то на занятиях по глупости или под дурное настроение назвал латынь мертвым языком: мол, кому он сегодня нужен – разве что фармацевтам да упертым юристам, может быть. «Что, скажете, не мертвый?! Однозначно – мертвый...» Понятное дело, Обморок оскорбился до глубины души и решил поквитаться со мной на экзамене. Я особенно не переживал, надеясь через пару дней спихнуть мертвый «хвост», но не тут-то было – Валентин Петрович не без удовольствия, издевательски глядя мне в глаза, сообщил, что переэкзаменовка состоится не сейчас, а осенью: «Готовьтесь, молодой человек, – говорит, – времени у вас предостаточно!» – и укатил по-быстрому на курорт в Минеральные Воды, видимо, поправлять не на шутку пошатнувшееся здоровье. У меня же лето оказалось подпорченным перед неминуемым поединком с преподавателем.

Вот тогда-то я и получил заказное письмо из Риги. Я шел за ним на почту, и состояние было сродни тому животному страху, которое я испытал, «распечатывая» футуристические послания от самого себя. К моему изумлению, в конверте оказалось вполне реальное пригла-

шение на мое имя для оформления визы в Еврозону от некоего Шпилькина Ильи Даниловича, проживающего в Риге по адресу улица Элизабетенс, дом такой-то, квартира такая-то. Уму непостижимо, кто такой этот Шпилькин, – не было у меня никаких знакомых во всей Латвии. И вообще, судя по найденному в книге полароидному снимку, я побывал в Риге с родителями в младенчестве и, конечно, ничего не мог помнить; никаких ассоциаций не приходило на ум, наверное, еще и потому, что отец с матерью ничего не рассказывали об этой поездке. «Может, это знакомый родителей, кто знает?» – размышлял я.

Не мудрствуя долго, набрал в поисковике нужные данные и, что вы думаете, сразу же получил ссылку на официальную страничку этого перца, если это действительно тот Шпилькин И. Д. Как выяснилось, Илья Данилович – известный рижский профессор истории пятидесяти лет, предлагающий (среди прочих гуманитарных услуг) курс лекций по истории Ливонии и организацию пешеходных экскурсий для туристов. «Прогулки по средневековой Риге» – так называлась одна из них, на которую я отчего-то сразу обратил внимание. Для связи предлагался номер мобильного, но звонить, чтобы узнать, тот этот Шпилькин или не тот, считал преждевременным – я еще ничего не решил для себя, всерьез сомневаясь, справлюсь ли я с поставленной задачей и каким образом... Ведь мне не предложили никакого определенного плана, полагалось действовать на свой страх и риск по обстоятельствам, никакой конкретики, ничего.

Я снова взялся за инструкции из будущего, полез в злосчастный электронный письмовник, с тщанием пересмотрел все приложения – на проверку, кстати, они оказались не столь обширными и подробными, видимо, составлялись по-быстрому, наспех; инструкций по спасению «иконы русского рока» там не нашлось. Несложный, почти что тривиальный алгоритм перехода во времени был, краткий устав клуба из пяти коротких пунктов был, немногочисленные советы были – на них я и сосредоточил внимание. Предлагалось взять в поездку из отцовской фонотеки – ни много ни мало – пару кило винила; я пробежался глазами по списку из двенадцати наименований, и меня чуть не стошнило от нафталиновых имен – сплошное ископаемое рок-старье, и кому оно нужно?

Но, видимо, в будущем на этот счет было другое мнение. Следуя поставленному условию, я тут же полез на антресоли, куда отец самолично забросил все грампластинки, после того как «кукукнулась» его ископаемая «вертушка» еще советских времен, давно отжившая свой срок. Новой он покупать не стал, поскольку начинался век «цифры».

Целый день я угробил на пыльные виниловые раскопки, тщательно осмотрел все пластинки, всё, что нужно, нашел: вынул из конвертов в надежде отыскать хоть малейшую зацепку, скрытый знак, ответы на мучившие меня вопросы. Но пока тщетно. Весь винил оказался в идеальном состоянии, пластинки – не «запыленные», кроме альбома Vanilla Fudge – на «яблоке» первой стороны красовалось огромное чернильное пятно-клякса, затруднявшая чтение списка песен. И кто его только здесь поставил? Какой нерадивый любитель пионеров американского психodela? Этот невзрачный по внешнему виду конверт оказался крайне потрепанным (ещё и с оторванным правым верхним уголком) и почему-то был запрятан в отдельную картонную коробку Ленинградского завода грампластинок, примостившуюся рядом с шершавой бетонной стеной.

Да, кстати, не удивляйтесь моим меломанским познаниям: в чем-чем, а в рок-музыке я шарю, как подлинный профессионал, основательно подкованный благодаря стараниям своего знатока-папашки – он меня многому успел научить, светлая ему память. Ладно, с виниловым заданием я вроде как разобрался, и альбомы перекочевали с антресолей прямиком в рюкзак и затем в мою комнату.

Вторым пунктом в списке рекомендаций значился Игорь Покровский по прозвищу Пиночет, или просто Пиня для своих, известный как ближайший друг Цоя. О нем я, конечно, слышал и кое-что знал – благодаря прочитанной в свое время культовой книжке ««Кино» с самого начала», приобретенной отцом через год после смерти Цоя, но лично с Пиночетом знаком не

был, и мне теперь предстояло с ним встретиться и познакомиться («кровь из носу» – так было сказано в послании). Вопросов по поводу необходимости этой встречи у меня не возникло – и дураку ясно: раз Пиночет – ближайший друг Виктора, то однозначно мог пролить свет на трагедию и, соответственно, помочь мне нащупать пути спасения Цоя. Правда, координат его не указали, что меня особо не волновало. Уж кто-кто, а я его без труда найду. Забыл с вами поделиться: я уже больше года сотрудничал с рок-н-рольным журналом – строчил для них статьи на правах фрилансера. Таких нештатников в журнале было пруд пруди – в основном, конечно, молодняк типа меня, но попадались и старички с именем. Так что я легко мог обо всем справиться в редакции. Не откладывая, позвонил туда. Трубку взял сам Долгов, их главный редактор. Я озвучил просьбу, и он тут же продиктовал номер телефона, только предупредил: «Как говорится, услуга за услугу: нужно написать репортаж с одного из ближайших мероприятий», имея в виду вояж знаменитого клавишника Кита Эмерсона, афиши сольного проекта которого с эффектно горящим концертным роялем пестрели в Питере на каждом углу, и предложил срочно ознакомиться с творческим наследием британской группы ELP. Что ж, я был не против.

Завладев мобильным телефоном Пиночета, позвонил ему, представился, как и принято в подобных случаях, журналистом, сказал, что хочу взять интервью для Fuzz. Тот не удивился – мои коллеги по перу время от времени пытали его насчет звездного дружка, как правило, в июне или в августе – перед известными памятными датами. Теперь, правда, стоял жаркий июль... Пиночет сказал, что ненадолго отбывает из города, и предложил встретиться сегодня или после возвращения. Я, не раздумывая, произнес: «Сегодня», и он с ходу пригласил меня к себе домой.

Терять время в моем положении резона не было, я торопился на встречу в надежде на то, что Пиночет воспоминаниями прольет свет или поможет нащупать дно в загадочной истории. Подробности того дня были крайне важны для меня: каждая незначительная деталь, всякая мелочь, любой нюанс могли стать неожиданным ключом для расшифровки посланий. Вот почему они так четко отпечатались в моей памяти, и потому я столь последовательно и скрупулезно могу привести их здесь почти в репортажном стиле, тем более что ощущал себя при встрече не студентом-горемыкой с хвостом по латыни, а настоящим журналистом. «О, святая простота... самонадеянной молодости!» – добавил бы я сейчас на ненавистном «мертвом языке».

Игорь с незапамятных лет жил в ухоженной пятиэтажке – дом ведомственный – на углу улиц Кузнецовской и Варшавской. Доехал на метро до «Электросилы», а дальше пешочком по Московскому проспекту до Кузнецовской – идти не больше двадцати пяти минут быстрым шагом. Повернул направо, и вот он – дом сталинской постройки, такой же, кстати, как и наш с дядей, фасад самый обычный, кирпичный, без особых архитектурных излишеств, во дворе будка с охранником, внизу домофон. Набираю номер квартиры, мне мгновенно открывают дверь, и я пулей взлетаю на последний, пятый этаж – лифта здесь нет. Чувствуется, что в парадной недавно сделан ремонт, стены чистые, без граффити, не вымаранные скабрезными надписями, на окнах новехонькие стеклопакеты, на подоконниках красуются пальмы в горшках. На этом фоне старая обшарпанная дверь родом из шестидесятых со щелью-проемом для почты разительно контрастирует с ухоженной лестницей. Звоню в дверь, и тотчас раздается яростный лай собаки, дверь распахивается настежь, и... ко мне на грудь бросается здоровенная немецкая овчарка – такое ощущение, что дверь открыла сама собака. От испуга я даже отпрянул назад. «Лайма, свои!» – рявкает Пиночет, облаченный в джинсы и футболку. Лайма, которая, впрочем, не собиралась меня кусать, лаяла больше для проформы, по-быстрому меня обнюхала и тут же дружелюбно завиляла хвостом, уткнувшись мне в бок слюнявой мордой, чтобы я ее погладил. Седовласый Пиночет приглашает в гостиную. Квартирка со знакомой планировкой – у меня такая же, только трехкомнатная, а здесь по левую сторону гостиная, прямо – маленькая комната, справа кухня и ванная с туалетом. В туалете рядом с унитазом

архаичная ножная педаль со сливом – еще работает, а у нас с дядей давно снята. Прохожу в гостиную, она же спальня – кругом фирменный винил, прямо горы виниловые, даже постель завалена нераспечатанными альбомами в блестящей целлофановой упаковке. Как похвастал Пиночет, «самый качественный японский винил, только что получил из Токио» – классический набор британского хард-рока: Black Sabbath, Uriah Heep, Deep Purple – короче, все то, что пользуется спросом до сих пор. Перепродажа грампластинок для Пиночета, как и раньше, главная статья дохода. Я сажусь в низкое кресло у стены напротив большой двуспальной кровати, достаю блокнот и шариковую ручку (терпеть не могу записывать интервью на диктофон), осматриваюсь. Плотные гардины на широком окне пропускают мало света. В глаза бросается большой портрет какой-то царской особы, я ошибочно принимаю ее за царевну Анастасию, но Пиночет говорит, что это – царица Александра Федоровна. Тут же рядом с ним знакомый мне по газетным и журнальным публикациям фотопортрет царской семьи Романовых. Вся стена у изголовья кровати увешана изображениями Божьей Матери, Иисуса Христа, святых угодников, великомучеников – я насчитал более десятка икон разных размеров. Признаться, я ожидал здесь увидеть скорее какой-нибудь рок-н-рольный иконостас... Обратил внимание на миниатюрное пожелтевшее, еще дореволюционное фото в простой деревянной рамочке: однорукий инвалид в солдатской фуражке, надетой набекрень по тогдашней моде, находящийся, судя по интерьеру, на лечении в лазарете. Спрашиваю: «Кто это?» – «Дед, воевавший в Первую мировую за царя и отечество». В общем, известный рок-н-ролльщик на поверку оказался патриотом и монархистом. («Ну как же – вся наша семья преданно служила царю...») В углу комнаты громоздится навороченная стереосистема – тюнер, магнитола, вертушка, по бокам от нее висят огромные черные колонки. Здесь же рядом с ними на стене висит приколотый булавами хорошо знакомый мне постер с ликом Виктора и типографским оттиском его автографа под портретом. «А реального у меня нет, – с грустной улыбкой произносит Пиночет, будто отвечая на мой вопросительный взгляд. – Был один подписанный плакатик, так я его знакомому подарил, потом, уже после гибели Витьки, просил вернуть, но тот наотрез отказался». Игорь без лишних предисловий ставит на сильной громкости альбом «45» – идеальный фон для откровенного разговора о Цое: «Очень люблю этот альбом, а еще “Черный” – без слез слушать его не могу...» Мой интервьюируемый сам легко разговорился, и, кстати, на животрепещущие для меня темы. По ходу разговора выясняю поразительную вещь: оказывается, Пиночет побывал на последнем рижском концерте группы «Кино», ездил в Ригу специально для того, чтобы повидаться там с Виктором, хотя все и произошло почти случайно. Новость, для меня имеющая первостепенное значение, просто бомба, я слушал, затаив дыхание, хотел узнать больше подробностей. Вот что он мне рассказал.

– Об этом концерте я узнал через знакомого, того самого, которому отдал плакат. Из Риги я хотел привезти кассетный магнитофон с колонками, по слухам, он там свободно продавался и стоил недорого. Сергей – так звали моего приятеля – сказал: «Поехали вместе». Он был рижанин, а учился в ленинградском вузе. «Купишь маг, и заодно сходим на концерт». Сам он очень хотел получить автограф Цоя. И еще интересное совпадение – его дворовые друзья детства играли в довольно известной, по рижским меркам, рок-группе, которая должна была играть на «разогреве» перед «Кино», от них-то он и узнал о предстоящем концерте.

Пиночет приехал в Ригу 13 июня, и ровно через два месяца, 13 августа, в 14:05, судя по надписи на памятной фотке, мы с папой в Юрмале случайно встретились с Цоем у ювелирного магазина... Что же из этого следует, какой вывод напрашивается, как это связать воедино, чтобы справиться, казалось бы, с нереальной задачей – спасти последнего героя и... родителей?

Мы проговорили битых три часа, за это время Пиночет рассказал много интересного: как он посетил гримерную группы «Кино» перед концертом, буквально нашпигованной «киношной» рекламной продукцией – футболками, плакатами, календарями, вспомнил, во что был одет Виктор и кто находился с ним в артистической комнате, что там конкретно происходило,

а также – как прошел сам концерт. Поведал и о том, что попросил Цоя перед выходом на сцену спеть для него песню «Мои друзья идут по жизни маршем», но тот по какой-то причине не выполнил просьбы, возможно, потому, что не говорил в тот вечер с публикой напрямую, пел песни без конферанса; а старых вообще не спел. И самое важное, что это был последний раз, когда он видел в живых своего друга Витьку и, честно говоря, сам Витька, его общее состояние ему жутко не понравилось – уж больно уставшим он ему показался, уставшим от всей этой бесконечной концертной суеты.

Уже прощаясь, едва ли не в дверях, я зачем-то спросил Пиночета о том, какую музыку он предпочитал слушать в 90-м году, спросил, даже не ожидая ответа, по какому-то наитию – кто ж такое вспомнит почти через двадцать лет. Но он вспомнил, заставив меня содрогнуться...

– Американский психоделический рок. Vanilla Fudge – мне тогда безумно нравилась эта группа. Сейчас покажу.

Извинившись, он вернулся в гостиную и через пару минут вынес потрепанный временем аляповатый альбом с оторванным правым уголком (!), при виде которого я вовсе потерял дар речи.

– Эту редкую пластинку, – пояснил Пиночет, – я выменял тогда в Риге за проходку на концерт «Кино».

– А у кого выменяли, не помните? – глухим голосом спросил я, предчувствуя ответ, и сам испугался ожидаемого.

– Да у какого-то паренька, – на минуту задумавшись, точно вспоминая подробности того обмена, произнес он. – Неприметный такой паренек был, в черной бейсболке с каким-то клеймом – хоть убей, не вспомню каким. Он сказал, что тоже из Питера и что знает меня, мол, встречались в клубе филофонистов. С тех пор я больше его не видел, – и, помолчав, добавил: – Кстати, вы чем-то схожи – один типаж.

Меня аж перекосило от этих слов, но Пиночет, ничего не заметив, повертел перед моим носом знакомым конвертом, потом вытащил из него вороненый блин пластинки, аккуратно зажал ее ребра между ладонями и, как заправский филофонист, с наслаждением поиграл плотной пластмассой, наслаждаясь упругим звуком вибрации винила. Я же... успел разглядеть чернильное пятно-кляксу на одном из «яблок», нисколько не сомневаясь в том, что эта грязная отметина красовалась именно на первой стороне пластинки. С ужасом предположил: если проверить заводские номера «близняшек», если б я вздумал их проверить, они оказались бы абсолютно идентичными! Как такое возможно – две абсолютно одинаковые пластинки? В голове просто не укладывалась подобная хрень – когда, в каком измерении и каким образом эта старая пластинка раздвоилась, материализовалась в два идентичных предмета, параллельно существующих в одном и том же времени? И что означало это парадоксальное раздвоение лично для меня? Неужто мне действительно суждено восстановить кем-то нарушенную реальность, а для этого вернуть отцовскую пластинку в прошлое, чтобы устранить создавшийся временной парадокс? Интуитивно я чувствовал, что дело обстоит именно так. Я, как мог спокойно, пытался разобраться в дьявольском клубке своих вопросов и своих же ответов. Как же эта чертова пластинка попала в отцовскую коллекцию? Я не знал и вряд ли узнаю, а вот пиночетовская – ясно как: получена из моих собственных рук от меня в Риге в июне 1990 года. Только в моей памяти этот факт еще не зафиксирован, поскольку я этого еще не совершал (!), хоть это событие уже произошло. С ума можно сойти! Значит, для того чтобы устранить этот парадокс, следует изъять пластинку из отцовской коллекции и отправить ее в прошлое к Пиночету и таким образом разрешить проблему? Так ведь? Ну, это проще простого – с этим справится любой начинающий путешественник во времени... Другое дело – достаточно ли этого для спасения родителей и Цоя? На этот вопрос ответа я не находил, да и кто мог мне его дать, ведь отныне я должен был за всё отвечать сам. И после некоторого колебания я решил рискнуть. Да, попробовать стоило!

Конкретного «плана по спасению» по-прежнему не возникало – один сумбур и переполнявшие меня эмоции, но, как говаривал один великий французский полководец, «главное – ввязаться в бой, а там посмотрим...» В моем же аномальном случае (немного перефразируя) – «влипнуть в историю, а там посмотрим...» И я немедленно подал документы в латвийское консульство для оформления визы.

В Ригу я решил ехать на машине – зачем тратиться на билеты? Права у меня имелись, получил еще за полгода до этой истории – решил сам себе сделать подарок на совершеннолетие. Экзамены в ГАИ сдал без сучка и задоринки с первого раза, сам такому результату удивился, – это при моей-то лени. Постарался на славу в пику моему одиозному инструктору Виктору, вечно ходившему с недельной щетиной и любившему страшать подопечных историей о каком-то горемыке, который раз двадцать безуспешно сдавал экзамены.

Поначалу я управлял автомобилем не ахти как, и потому тачку решил брать не новую, а потрепанную временем и бездорожьем. Прислушался к совету Виктора: «Все равно, – говорит, – побьешь ее по первости, а так старую особо жалеть не будешь». Главред Долгов, услышав, что мне нужен подержанный автомобиль, предложил купить редакционную машину, развозившую тираж по точкам продажи журнала. Цену назначил символическую, да и пробег был небольшой, я сразу согласился: отечественная «Лада», 99-я модель, реэкспортный вариант, пригнанная из Италии, ярко-изумрудного цвета, хоть и с нещадно обтрепанными крыльями, меня вполне устраивала. В первый же день после сделки я получил боевое крещение, не вписавшись в подворотню своего дома: разбил правую переднюю фару и ободрал уже не раз покорябанное крыло. Впрочем, я особо не расстраивался и до отъезда в Ригу старался побольше практиковаться, особенно в разворотах – мое слабое место.

Тем временем, помня про обещание, данное Долгову, зря времени не терял: закачал в свой MP3-плеер все творческое наследие ELP (на два гигабайта – в него около 500 песен входит, никак не меньше). В подборку вошли десять классических альбомов, два самых известных концертных – я, понятное дело, о «Картинах с выставки» говорю и о Welcome back. Вошли туда и пара сборников, составленных из самых известных треков, на которых я и решил сконцентрироваться, поскольку весь материал оказался крайне обширным – и за месяц не переслушаешь, а мне нужен был результат как можно быстрее – я спешил в Ригу.

Честно скажу, что к прог-року и его адептам я почти равнодушен – там много пафоса, на мой взгляд. Я сам другую музыку люблю, давно болен психоделическим новоделом – диагноз хронический. Мои бесспорные фавориты – портлендская команда The Dandy Warhals, готов слушать ее круглые сутки, все их песни знаю назубок. Правда, не уверен, слышал ли о них сам господин Эмерсон, но в том, что моим любимчикам, вне всяких сомнений, известно имя лучшего клавишника всех времен и народов, не сомневаюсь нисколько. Я же и подавно знаю, какую роль сыграл прославленный музыкант в истории рока, и для того чтобы о нем правдиво написать, то есть объективно, не брюзжа и ехидничая насчет возраста и прочего, надо лишь помнить о том, какой шум в свое время наделало знаменитое британское трио – они оказались настоящими рок-революционерами, единственными в своем роде, полностью изменившими представление о современной рок-музыке. Стоило мне только вообразить на миг, какое впечатление их неповторимые творения могли произвести на молодого слушателя три с половиной десятилетия лет назад, и все сразу встало на свои места – я понял, в каком ключе надо писать.

Подошло время ответственного задания, днем я забежал в редакцию забрать проходку на концерт. Долгов сообщил, что никаких встреч прессы с Эмерсоном не предполагается, он, якобы, в данном туре интервью не дает, и попутно рассказал пару занятных баек про маэстро. До концерта оставалась еще куча времени. Тачку я оставил припаркованной у дома, рассчитывая немного расслабиться пивом, что иногда себе позволяю. (Да, могу выпить немного вина или пива, а вот крепкие напитки не переношу, после того как меня однажды дружки-журналисты напоили коньяком, я тогда чуть дуба не врезал, так мне плохо было). Опускаться в метро

в солнечный денек не хотелось, и я махнул пешком через мост – до Дворца культуры имени Ленсовета было не так далеко, да и по дороге было о чем поразмышлять. Прошлой ночью дочитал «Степного волка» – читал медленно, смакуя каждую строчку, перемежая удовольствие с зубрежкой латинского букваря, и, честно скажу, роман стал отдушиной, а финал полностью отражал моё состояние: «Я чувствовал себя опустошенным и готовым проспать хоть целый год». Но вместо того чтобы завалиться спать, я вновь раскрыл книгу и принялся перечитывать начало, «предисловие издателя», написанным, понятное дело, самим автором. И вот в самом конце предисловия я натыкаюсь на такой замечательный пассаж – и как это только я его проглядел по первости?! – «Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится только там, где пересекаются две эпохи, две культуры и две религии. Если бы человеку античности пришлось жить в средневековье, он бы, бедняга, в нем задохнулся, как задохнулся бы дикарь в нашей цивилизации». Вот эти самые слова про столкновение двух эпох меня, по правде говоря, просто ошеломили, и какое счастье, подумалось мне тогда, что я собрался прыгнуть не в другую эпоху, а... подумаешь, через какие-то 16 лет! Что они вообще значат для вечности – всего лишь миг!

Когда я, погруженный в философские размышления о бесконечности бытия, наконец подошел к ДК Ленсовета, до начала концерта оказалось «палкой не добросить». Главный вход был закрыт, и я сунулся на служебный, моя проходка мне давала такое право – дай, думаю, загляну в закулисное кафе, может, увижу что интересное, да мне и нравилось там бывать. За столиками никого не было, только у стойки буфета толпился кое-какой народец. Я пристроился за импозантным дядечкой в черных кожаных штанах и черной шелковой рубаше навывпуск (по виду – великовозрастный хиппи с явно крашеными волосами). И я подумал: наверняка вечером в зале увижу немало подобной публики, ведь предстоящий концерт вызвал нешуточный интерес у любителей прог-рока, я даже узнал из сети, что страждущие хотят добратся сюда аж из Украины и Белоруссии.

Буфетчица обслуживала расторопно и вот уже стала принимать заказ от хиппаря (на деле оказавшегося всамделишным «фирмачом», как назвал бы его мой покойный батюшка). И тут она испытала небольшое языковое затруднение: поняла, что ему, как настоящему англичанину, требуется черный чай с молоком, но споткнулась над значением незнакомого, мягко звучащего слова.

– Трудности перевода? – улыбнулся я буфетчице, мгновенно придя на помощь. – Ему мед нужен. – И когда длинноволосый повернулся на мой голос, ослепив бриллиантовой сережкой в мочке левого уха, я его сразу признал – это был Кит Эмерсон собственной персоной!!!! (Прошу прощения).

Перед походом на концерт я плотно посидел в Интернете и основательно полистал ленту с фотками звездного клавишника – архивные и нынешние в большом количестве – и скажу со всей определенностью, что Кит Эмерсон хоть и изменился внешне с молодых пор, но узнать его можно без труда. Он ничуть не похож на старика, а ведь ему уже пошел седьмой десяток; хотел бы я так же выглядеть в его годы, если, конечно, смогу до этих самых лет дожить. Он до сих пор выглядел молодцом хоть куда, по-прежнему был бодр и внешне эффектен. Да, не ожидал я, совсем не ожидал увидеть, что он здесь будет передо мной чаи распивать или что-нибудь покрепче (Долгов упомянул, что Эмерсон известный на весь мир выпивоха).

– Нет проблем, мед у нас имеется, и, без сомнений, самый лучший, – зашебетала буфетчица, выставив на стойку стеклянную баночку башкирского меда.

– Вы ему, пожалуйста, еще пару тостов сделайте... э-э-э... из белого хлеба, – добавил я, выяснив, что еще желает маэстро.

– Будет сделано в лучшем виде, – отпартовала она, зарядила тостер и озвучила стоимость заказа, а для верности подсунула Эмерсону калькулятор. Маэстро пошуршал в кармане штанов наличностью, достал оттуда помятые купюры и, неуверенно повертев их, почти в сту-

поре уставился на подставленный калькулятор. Тут уж пришла на помощь сама буфетчица, деньги приняла прямо из руки, отсчитала сдачу звонкими монетами и с ходу принялась обслуживать меня. Эмерсон, подхватив поднос, пробурчал странноватую фразу: «Я вновь чужак в стране чужой...» – как бы сказанную про себя.

Уж не знаю почему (может, от волнения), я попросил налить бокал красного вина, как и положено, предъявив буфетчице паспорт (правила я знаю и строго соблюдаю их), хотя до этого вроде как намеревался выпить пива. Конечно же, взбудораженный неожиданной встречей со звездой, заставшей меня врасплох, теперь я лихорадочно соображал, как же по максимуму использовать подвернувшийся случай пообщаться с самим Эмерсоном. «Чужак в стране чужой», говоришь... что-то знакомое, только вот вспомнить никак не могу, откуда эта фраза мне известна... И тут меня осенило – как же я мог забыть?!

Маэстро тем временем уселся за столик у стены под зеркалом и, когда я взял свой бокал и огляделся, дал знак, чтобы я подсел к нему. Вот так просто все и случилось, и не надо было так переживать. Да, ничего не скажешь, повезло так повезло!

– Вы любите Хайнлайна? – произнес я, едва опустившись на стул.

– Что? – вскинул брови Эмерсон, не поняв неожиданного вопроса.

– Ну, Роберт Хайнлайн, знаменитый писатель-фантаст... Вы только что упомянули один из его романов...

– Ах да, – оживился Эмерсон, – обожаю его книги, почти все, что им написано, прочитал.

– А я вот только одну – «Дверь в лето».

– Ну, какие твои годы, еще успеешь всего Хайнлайна прочитать, и не по одному разу, – утешил он меня, а потом, заговорщицки подмигнув, заметил: – Небось спишь и видишь, как сам путешествуешь во времени? – имея в виду ту самую книжку, которую я уже прочел.

В ответ я только хмыкнул. Знал бы он, куда я собрался, таких бы шуточек наверняка не отпускал в мой адрес.

Так мы и разговорились. Эмерсон объяснил свою недавнюю метафору, как впервые в жизни себя почувствовал «чужаком в стране чужой». В 1972 году, когда побывал в Японии на гастролях, у него там были два концерта в Токио и Осаке и обширная культурная программа в течение недели. Группа ELP арендовала реактивный чартерный самолет, привезла с собой из Лондона целую стаю британских журналистов и восемь тонн музыкального оборудования, а схожие чувства маэстро испытал теперь, когда наконец-то добрался до России, – здесь другая жизнь, культура, традиции и, наконец, непонятный алфавит – какая-то марсианская кириллица.

Потом я, как бы между прочим, подивился тому факту, что он за свой счет купил поесть – ведь у него в гримерке вдоволь всего: и питье, и еда и, как я понимаю, абсолютно бесплатно.

– Так и есть, – подтвердил Эмерсон, – промоутером выставлено все – от нужного размера махрового полотенца до нужной марки спиртного – согласно бытовому райдеру.

– А почему же в таком случае вы здесь, а не там?

– Понимаешь ли, ведь скука смертная одному сидеть в грим-уборной. А здесь я могу перекинуться с кем-нибудь парой-тройкой фраз. Хотя бы с тобой.

– Может, тогда не стоило требовать отдельную комнату? – съязвил я.

– Стоит, не стоит – все это пустые разговоры... Пойми одно: по моему статусу так положено – отдельная грим-уборная, как и отдельный лимузин, хотя я, кстати, могу ездить на чем угодно, даже на велосипеде, – и шутливо добавил: – Стал звездой, вот и сиди в гордом одиночестве.

Мы рассмеялись.

– А это правда, что вы не даете интервью?

– Первый раз об этом слышу, еще не далее как вчера плотно общался с журналистами в Москве. А почему мой юный друг интересуется этим вопросом?

Я представился, сказав, что прибыл на концерт по заданию редакции рок-н-рольного журнала писать отчет о концерте. Маэстро не поверил моим словам, видимо, сбил с толку мой юный вид.

– Ты действительно журналист?! Ничего не придумываешь?!

Пришлось показать журналистское редакционное удостоверение. Эмерсон, конечно, от него отмахнулся, мол, верю, верю, прости парень, не хотел обидеть, только и спросил, косясь на мой бокал с вином, есть ли мне уже 18 лет.

– Не волнуйтесь, с этим все в порядке, – произнес я, демонстративно пригубив из бокала вино.

И тут краем глаза перехватил жадный взгляд Эмерсона – мы сглотнули с ним одновременно: я – вино, а он – чай с молоком.

– По совести говоря, – признался он, – я сам бы с удовольствием сейчас пропустил бы бокальчик-другой красного... Вино я люблю, а вот к пиву равнодушен, правда, с недавних пор перед концертом вообще не употребляю алкоголя, строго соблюдаю «сухой закон».

– Мне, в отличие от вас, на сцену выходить не надо, – поддержал я новую тему нашего разговора.

– А когда-то музыкальная братия называла меня за глаза «Мистер Курвуазье». Знаешь? Нет?

Я неопределенно мотнул головой, Долгов про это не упоминал.

– Да, «Мистер Курвуазье», – повторил маэстро, продолжая откровенничать. – Это прозвище, помнится, дал мне Джерри Губмен, скрипач «Оркестра Махавишну». И не случайно – в годы расцвета ELP бутылка отменного французского коньяка на сцене стала частью моего арсенала... Она прочно заняла место в моей жизни, как на сцене, так и в быту. Она, между прочим, всегда вызывала аплодисменты у публики, когда в середине соло на фортепиано, играя левой рукой останато, я протягивал руку, брал бутылку и пил прямо из горла... – сделав длинную паузу, он добавил: – Тем не менее я никогда, – повторяю: никогда! – так и напиши в своей статье: Кит Эмерсон никогда не отменял концерта из-за подпития или похмелья.

У меня не было слов, честно говоря, я был просто ошарашен подобными откровениями звезды, мне только и оставалось, что внимательно слушать. Он много о чем поведал: про скоростные японские мотоциклы, пилотирование спортивных самолетов, хорошо выдержанный коньяк с запахом луговых трав, который надо пить непременно теплым, короче, про все то, что он любил и о чем думал. О синтезаторах, электроорганах и концертном рояле «Стейнвей», занимавших не менее важное место в его существовании, чем вышеперечисленное, он, конечно, тоже упомянул.

Вспомнив одну из баек, рассказанных Долговым, спросил:

– Вы действительно являетесь лауреатом московского Конкурса имени Чайковского?

Он аж поперхнулся чаем, так его обескуражил вопрос, но, откашлявшись, переспросил:

– Какого-какого конкурса?

Я повторил, и тут он развеселился.

– Первый раз про такое слышу. И чего только люди не выдумают... Ну что ж, могу прокомментировать... Хотя у меня весьма быстрая манера игры на фортепиано – про это всем известно, – но все-таки пальцы рук не настолько длинные, чтобы стать вторым Вэном Клайберном, – он покачал головой и усмехнулся: – Думаю, что в Москве на конкурсе мне ловить было бы нечего.

Потом, глянув на Rollex из белого золота, предупредил:

– Давай последний вопрос, а то скоро концерт.

Хмы, последний вопрос – только какой? Знаю одно: сидя сейчас с Кортни Тейлор-Тейлором, лидером моей любимой группы, я бы сам себя об этом не спрашивал. Но тут Эмерсон явно застал меня врасплох. О чем же еще спросить? Но неожиданно понял, что последний вопрос

должен быть исключительно о музыке, о ее роли в жизни прославленного клавишника. Итак, чем для вас является музыка, что она значит для вас, глубокоуважаемый мистер Эмерсон?

– Хороший вопрос... очень важный, – покачал он в раздумье головой, собираясь с мыслями. – Для меня играть – как дышать... Я потерял двадцать пять процентов слуха в правом ухе вследствие тяжелого рок-н-рольного образа жизни, но это не все мои потери за годы «молотбы» по клавишам. Когда я в октябре 1993 года оказался в больнице с диагнозом дисфункциональности правой руки, я был разрушен – не только финансово, но физически и морально... Неужели я не смогу больше играть? – вот что меня мучило и пугало... Слава богу, операция прошла успешно... Я играю до сих пор, помня о том, что я всего лишь клавишник – до тех пор, пока могу играть.

Прощаясь, Эмерсон подарил мне на память занятный медальон с изображением фантастического существа: по виду как бы лев, но вовсе не лев – с человекообразным лицом, драконьими лапами и мощным хвостом скорпиона. И еще кое-что дал весьма важное, но раскрывать, что именно, пока не стану.

Перед началом концерта в фойе я неожиданно встретил седовласого Пиночета. Впрочем, отчего ж неожиданно? Как истому меломану со стажем, каковым являлся Игорь, ему и полагалось в этот вечер быть только здесь и нигде более. Под мышкой он держал стопку фирменных альбомов ELP, видимо, рассчитывая после концерта подписать их у рок-звезды. Я ему обрадовался, как старшему доброму товарищу, да что греха таить, меня распирало от потребности поделиться с кем-то неожиданной удачей – знакомством с маэстро, интервью с ним и, конечно, похвастаться медальоном. Пиночет ткнул пальцем в чудище:

– Ух ты, вот так номер – мантикора!

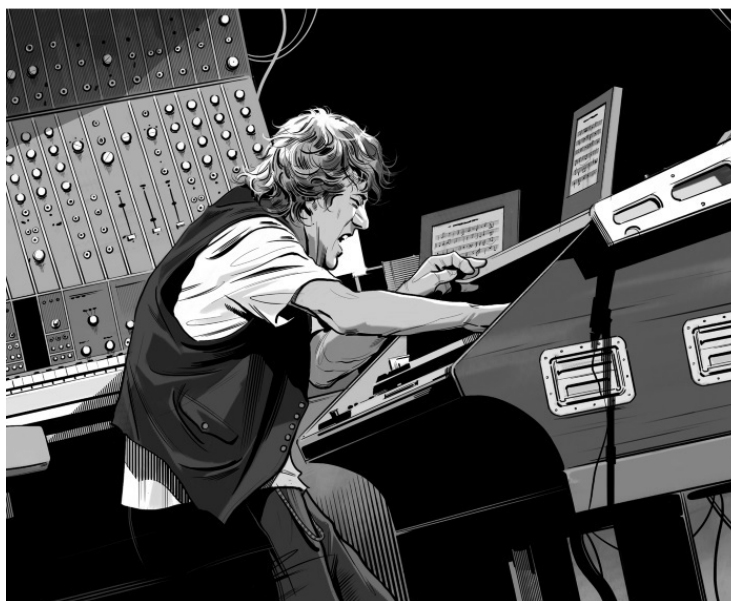
– Что еще за мантикора? – удивился я.

Пришлось ему тут же прочитать короткую лекцию на тему «Концепция второго альбома «Таркус» британской рок-группы ELP и его графическое решение в оформлении внутреннего разворота пластинки». Из услышанного я уяснил следующее: сама легенда о Таркусе – фантастическом киборге, гусеничном броненосце с пушками, рожденном из гигантского яйца во время извержения вулкана – плод фантазии Кита Эмерсона. Броненосный монстр, по задумке маэстро, должен был олицетворять собой ни много ни мало весь военно-промышленный комплекс нашей планеты. Таркус сражается за право первенствовать над другими полумеханическими фантастическими созданиями. В конце концов в эпической битве Таркус терпит поражение от Мантикоры (в противовес остальным побежденным монстрам, являющимся хоть и фантастическими, но все же биологическими созданиями). Вся эта гиперреальная, по-настоящему сюрреальная история феерически представлена в картинках на развороте альбома. Говорят, что группа рассчитывала на помощь самого Сальвадора Дали, но мастер заломил астрономическую цену за свои услуги в оформлении пластинки, так что пришлось довольствоваться графикой не столь знаменитого художника. Его фамилию Пиночет запомнил, зато рассказал, что через полтора года после выхода «Таркуса» именем чудища-победителя музыканты группы ELP назвали не только собственный рекорд-лейбл, но и всю свою штаб-квартиру, расположенную в брошенном кинотеатре, где могли подсчитывать денежки за проданные альбомы и отыгранные концерты и плодотворно работать – сочинять, репетировать и записываться в студии. И не только сами, но и другие дружественные музыканты, например такие рок-гиганты, как Led Zeppelin, которые на сцене театра «Мантикора» оттачивали новую концертную программу в творческом содружестве с лондонскими стриптизершами.

Короче говоря, после вышесказанного Игорь предложил мне медальон продать или обменять на что-то полезное для меня. Я, разумеется, отказался.

Публика в зале, как я и предполагал, в основной массе собралась в возрасте, но встречались и отдельные юные поклонники прог-рока. Сам концерт мне понравился. Символично, что он начался с концептуальной пьесы Karn Evil 9: 1st impression, как в былые концертные

годы ELP. Правда, в отличие от прошлого, известные каждому фанату слова-представление «Добро пожаловать, друзья, на шоу, которое никогда не кончается!» скороговоркой прокричал не Грег Лейк, певец и гитарист Emerson, Lake and Palmer, а Марк Бонилла, гитарист и певец Keith Emerson Band, по паспорту американец, как и два других участника группы – басист и ударник. Шоу и правда завораживало. И хотя Эмерсон не втыкал ножи в клавиатуру, не пинал ногами орган Хэммонда и не возносился под потолок вместе с летающим роялем, как бывало когда-то (в молодые годы), на сцене он по-прежнему был очень подвижен и в меру эксцентричен, вертясь волчком вокруг своих музыкальных агрегатов. Он неумоимо бил по клавишам почти на протяжении трех часов, что было немыслимо для его возраста (63 года). Семичастная хрестоматийная сюита «Таркус», эта «визитная карточка» Кита Эмерсона на все времена, прозвучала в завершающей части программы. Взрывной пролог, виртуозно сыгранный Эмерсоном одновременно на электрооргане и синтезаторе, вызвал шквал восторженных аплодисментов – этот номер фаны терпеливо ожидали с самого начала концерта.

Двадцатиминутная инструментально-вокальная композиция, хорошо знакомая мне по сборнику ELP, в концертном варианте разрослась до получасового импровизационного эпика – играть так, как записано на альбоме, музыкантам было явно скучно и неинтересно, поэтому пьесу сдобрили продолжительными соло на ударных, электрооргане, загадочном антеннообразном терменвоксе и внешне неприметном портативном синтезаторе «муг», этакой доске без клавиш, напичканной электроникой, с разнообразными кнопками и рычажками на лицевой панели. С ней маэстро отважно нырнул прямо в зал извлекать необычно булькающие звуки вместе с публикой, к неопишуемому восторгу переполненных зрителей. Финалом эпатажной вылазки стал неожиданный фортель, когда Эмерсон, вернувшись на сцену, приложил мини-синтезатор к оттопыренной пятой точке и... сыграл ею несколько подозрительных звуков, чем весьма развеселил зал.

На бис по давней традиции «подали» Чайковского – рок-н-рольную вариацию Nutrocker на тему «Марша оловянных солдатиков», проверенный временем рок-боевик, с первых аккордов которого весь партер пустился в пляс.

Уже на выходе в разгоряченной зрительской толпе я случайно услышал разговор двух старичков, фанатов Эмерсона, крепко поддатых и внешне похожих – с большими залысинами и характерными «рудиментными» седыми хвостиками на затылке. Но какие у них были ГЛАЗА! Хоть и мутные с красными прожилками в белках, но горящие молодым озорным огнем.

– Да, без малого сорок лет мы ждали этого сладостного момента, – высокопарно изрек один из старичков.

– И не говори, Петруха, теперь и помирать можно, – поддержал его другой.

Помнится, услышав их реплики, я подумал тогда: а вот я сам через двадцать или даже хотя бы десять лет – как буду относиться к своим сегодняшним кумирам из Портленда, к предмету своего нынешнего фанатизма? Смогу ли сохранить трепетную любовь, пронести ее через десятилетия? Да, интересный вопрос, только вот ответа нет.

Вернувшись домой, по горячим следам сразу же сел за компьютер, решив не вставать из-за стола, пока не напишу весь материал. А начал я свой опус, кстати, с тех самых невольно подслушанных слов. «Гвоздем» статьи стало, разумеется, эксклюзивное интервью с маэстро, вне всяких сомнений – жемчужина будущего номера. К утру статья была готова, и я тут же отправил ее в редакцию по «мылу». Все, решил я, отосплюсь и не сегодня-завтра отвалю по маршруту Санкт-Петербург – Рига. Меня ничего больше не держало в городе: виза и грин-карта на авто уже лежали в кармане, дяде скажу, что получил важное редакционное задание, он поймет. И с чувством выполненного редакционного долга я лег спать. Где-то около полудня меня разбудил телефонный звонок. Звонил Долгов – он поблагодарил за интересный материал, сказав буквально следующее: мол, не ожидал от тебя такой журналистской прыти, молодец, далеко пойдешь (не скрою, мне было лестно услышать отзыв от авторитетного человека) – и попросил зайти в редакцию по одному делу. Я был заинтригован. Что ж, в Ригу отправимся завтра, а пока – на «Выборгскую».

Когда я пришел в редакцию почти через три часа после телефонного разговора, Долгова не застал, но сотрудники сообщили, что тот скоро вернется. Дождаться главреда я решил в дизайнерской комнате, составив компанию дизайнеру Саше, корпевшему за двадцатидюймовым «Макинтошем». Здесь всегда было интересно – вся стена увешана свежими гранками, распечатками сверстанных журнальных страниц, разворотами еще не вышедшего номера. Сразу привлек внимание центральный материал, так называемый кавер-стори, посвященный неожиданно подкатившему юбилею художественного фильма, в котором в главной роли снялся Виктор Цой. Материал выгодно отличался от остальных полос из-за наличия в верстке рисунков, выполненных в манере комиксов, вместо привычных фотографий. Обложка будущего номера вообще была просто блеск! Я глядел из-за плеча дизайнера на экран монитора и не мог нагля-

даться: комиковый взлохмаченный Цой в распахнутом пальто с пижонисто поднятым воротником в героическом ракурсе будто со сцены сверху вниз смотрит на будущих читателей. На моей памяти такое было впервые в истории журнала. На виртуальной обложке – пока никаких надписей, кроме необычно-алого логотипа журнала, и дизайнер прикидывал варианты шрифтов у меня на глазах, располагая анонс, состоявший из короткого названия фильма, прямо по черному пальто последнего героя. Надпись то пропадала, то опять появлялась, наконец дизайнер поставил нестандартный – тот самый, узнаваемый вариант из титров фильма, и все встало на свои места.

– Ну как? Что скажешь? – спросил меня дизайнер Саша.

– Здорово! – восхищенно выдохнул я.

Обложка и вправду получалась великолепной и, главное, – необычной, когда все обложки журналов с фотографиями, а тут – рисунок, да какой!

Дизайнер довольно крякнул и вышел из комнаты. Не знаю уж, какая муха меня укусила, но я, повинаясь внутреннему голосу, быстро, прямо по-шпионски сфоткал на телефон понравившуюся обложку на светящемся мониторе, а потом всю подборку и все четыре журнальных разворота с главной статьей. Каюсь – согрешил, но уж больно мне это все пришлось по душе, и совесть не мучила: я же не собирался фото где-либо выкладывать или тем более сливать кому-то за деньги, нет-нет, исключительно для собственного удовольствия. Сама съемка у меня не заняла много времени, и, когда дизайнер вернулся, я сидел как ни в чём не бывало, так что он остался в неведении о моей аванюре. А тут и Долгов появился, еще раз меня поздравил с отличным материалом, сказал, что напечатают через номер, и сразу перешел к делу.

– Помнится, ты говорил, что у тебя есть архивный снимок с Цоем, снятый на «Полароид»...

– Да. А в чем дело?

– В связи с этим родилась одна интересная идея. Сейчас объясню. Ты ведь в Ригу собрался?

Ответа от меня он не дождался, я насторожился и задумался – стало быть, опять что-то назревало. Но что?! Долгов распахнул дверцы стенового шкафа и вытащил с верхней полки увесистую штуковину. Ну надо же! Это был фотоаппарат «Полароид». Я уже ничему не удивлялся, так вот, значит, кому суждено сделать историческое фото. То есть, что это я говорю – сделать? Оно уже существует, лежит дома, меня дожидается... У меня, между прочим, ни один мускул на лице не дрогнул, внутренне я был готов к любому повороту событий. Теперь мне стало понятно, кому в действительности принадлежит авторство известного памятного снимка с Цоем, но что еще важнее – я догадался, в какой из дней 1990 года мне следовало хронопортиться: однозначно 13 августа!

Этот «Полароид» попал в редакцию еще в середине 90-х благодаря спонсорской помощи «Светозара», фирмы, которая стала производить в СССР по лицензии американские портативные аппараты моментальной фотосъемки еще на заре «перестройки», а в начале нулевых благополучно обанкротилась. Фотоаппарат в комплекте с четырьмя кассетами, в каждой из которых имелось по десять фотопластин, провалялся без дела на верхней полке шкафа чуть ли не десять лет (о нем банально забыли), и вот на тебе – у Долгова появилась идея! Суть ее заключалась в следующем: он решил запустить новый журнальный проект – рубрику «Путеводитель», которая бы знакомила читателей с памятными рок-местами – не только в Петербурге, повсюду. Открыть рубрику предполагалось как раз материалом о десяти памятных местах Латвии, связанных с именем Виктора Цоя. Той моей фотке и предназначалось, по его замыслу, выполнить важную роль – создать иллюзию, что все фотоснимки новоиспеченной рубрики сделаны одним и тем же человеком, случайным очевидцем последнего променада Виктора Цоя по улице Йомас. Я только молча кивал, восхищенно слушая Долгова, дивясь тому, как это он попал в точку? Александр Владимирович продолжал рассуждать:

– Всем известно, что Виктор Цой погиб в автокатастрофе, находясь на отдыхе в Юрмале. Последние три года он проводил летний отпуск с Наташей Разлоговой в одном и том же месте – в рыбацком поселке Плиеньциемс, кстати, известном с давних пор латвийском курорте. Там даже иные царствующие особы Российской империи в свое время не гнушались отдыхать. Поселок маленький, уютный, в нем тихо и спокойно. И что любопытно: улиц там нет, а каждый дом имеет собственное название вместо привычного номера. Дом, в котором жил Цой, называется «Зелтини». Как я слышал, обычный дом с печным отоплением, в нем Виктор с Наташей снимали комнату с отдельным входом. Повторяю еще раз: все это – общеизвестные факты. А нас в первую очередь интересует все неизвестное, хотелось бы узнать – откуда, с какой почты приходила корреспонденция, адресованная на имя Цоя, к примеру, телеграммы. Откуда он, скажем, мог позвонить по межгороду в Москву или Питер – ведь неотложных дел, несмотря на отпуск, было немало? Вот, скажем, ожидаемый выпуск очередного альбома, запись демонстрационной версии которого завершилась за пару дней до аварии. Где конкретно она проходила – в доме «Зелтини», в одной из комнат, или в другом месте – непонятно. И где находится то озеро, на котором Цой рыбачил в последний свой день? Все это тебе следует досконально разузнать, отснять на «Полароид» все объекты и написать к фото сопроводительный текст. По времени это не горит, торопить тебя не буду, главное, чтобы в итоге все получилось занимательно.

Редакцию я покидал заправским сотрудником, хоть и нештатным: обновка, подаренная Долговым бейсбольная кепка черного цвета, тисненая спереди броским белоснежным логотипом издания, лихо надетая мной задом наперед, безусловно, была мне к лицу. В руках я держал пакет с массивным «Полароидом». Но главным было задание, такое необычное, интригующее...

Тут, думаю, самое время прояснить причину интереса Долгова к так называемому почтово-озерному вопросу. Дело в том, что он сочинил любопытный киносценарий, не так давно опубликованный в качестве брошюры-приложения к журналу и уже успевший наделать шума в рок-сообществе. События в сценарии разворачиваются в параллельном мире, где Виктор Цой по-прежнему жив. Так вот, завязкой истории и выступает пресловутый почтовый эпизод – кинорежиссер Рашид Нугманов ранним утром 15 августа, предчувствуя беду, посылает Виктору в Плиеньциемс телеграмму-молнию о начале съемок нового фильма и просит быть осторожным. Телеграмму доставляет на озеро Наташа Разлогова за час до автокатастрофы, благодаря чему Цой избегает аварии. Его автомобиль «Москвич-4112» и встречный автобус «Икарус-280» разъезжаются на злополучном 35-м километре трассы Слока – Талсы в разные стороны.

Вернувшись домой, я тут же взялся за работу, залез в Интернет, и к полуночи передо мной лежал список из десяти пунктов, первым из которых, ясное дело, числился дом № 83 по улице Йомас, этакий местный Бродвей в Юрмале. Я выяснил, что теперь в здании располагается летнее кафе, а в те далекие советские годы там находился ювелирный магазинчик, возможно, Цой туда заходил и, кто знает, может, что-нибудь и прикупил в день фотосъемки 13 августа. Далее по списку следовал Дворец культуры Рижского института инженеров гражданской авиации. Здесь весной 1987 года состоялся концерт ленинградской «Поп-Механики», в составе которой играли все участники группы «Кино», включая Цоя. Затем – стадион «Даугава» и гостиница «Юрмала», оба места связаны с последним концертом группы «Кино» в Риге. Конечно же, в списке присутствовал старый рыбацкий поселок Плиеньциемс. Кроме упомянутого Долговым дома «Зелтини» в этой локации всплыл новый объект – небольшой одноэтажный сарай, крытый черепицей, находящийся рядом с домом. Именно здесь и была записана «болванка» последнего альбома при содействии Юрия Каспаряна. Цой пел и играл на гитаре, Каспарян программировал. Запись сделана при помощи портативной студии, подаренной некогда группе «Кино» Джоанной Стингрей. Портостудию в Плиеньциемс привез Юрий

Каспарян на своей машине, и он же увез ее обратно в Ленинград по завершении записи за день до аварии.

Теперь пресловутый почтовый вопрос, ставший для меня настоящим камнем преткновения. На него я угробил весь вечер, но в конце концов разобрался, что к чему. Оказалось, что в поселке Плиеньциемс своего почтового отделения нет, местные жители пользуются услугами почтового отделения соседнего поселка – Апшуциемс, его современный почтовый индекс – LV-3116. Мой список завершали три следующих объекта: во-первых, озеро Ридели, находящееся в 80 километрах от Риги, рядом с трассой Слока – Талсы, именно с него Цой возвращался после рыбалки в Плиеньциемсе. Во-вторых, мостик через речушку Тейтупе на 35-м злополучном километре, в нескольких метрах от которого и произошла автокатастрофа, ну и в-третьих, конечно, памятник Цою, выполненный в граните и бронзе, установленный в нескольких шагах от мостика.

Ранним утром, когда дядя еще спал (он вообще-то у меня – сова, как и положено нормальному музейному работнику), я чиркнул ему записку, что отчаливаю в Ригу по заданию редакции, и рекомендовал заглянуть в «зону свежести» нашего пузатого никелированного холодильника, где оставил заботливо сварганенный на завтрак сэндвич с сыром и ветчиной. С собой захватил рюкзак, набитый вином, туда же запихнул «Полароид» и сухой паек на сутки, взял и теплый бушлат из крепкого флотского сукна на случай холодной погоды. Ноутбук брать не стал, здраво рассудив, что там, куда я собираюсь, он будет ненужным балластом. Наличной «зелени» у меня было достаточно, причем припасенной в разных купюрах, чтобы с обменом на латвийские латы не возникало проблем. В пути всякое может приключиться, и деньги здесь – первая подмога. Проблем с маршрутом не предвиделось, я заранее его проработал в Яндексe, скрупулезно изучив карты. На всякий пожарный еще и обзавелся навигатором. Как говорится, береженого Бог бережет. С ним точно доеду, куда надо.

Чтобы было веселее ехать, врубил на всю катушку допотопную магнитоу, предназначенную для прослушивания радио и аудиокассет. К поездке приготовился заблаговременно и тщательно: осознавая, что сидеть за рулем в наушниках, слушая МРЗ-плеер небезопасно, с закачкой файлов не заморачивался, а просто по старинке записал с десятков кассет, забив ими «бардачок», и теперь менял по дороге одну за другой. Я был в превосходном настроении, душа пела, и сам я подпевал вслед за портлендскими любимцами, упиваясь обретенной свободой и пьянящим чувством гордости от нежданно свалившейся миссии переписчика истории.

До Пскова добрался без происшествий. Заправил там полный бак и решил немного передохнуть, припарковался на одной из тихих улиц на окраине, разложил переднее кресло и тут же отключился (пару часов я могу проспать, где угодно, бессонницей не страдаю). Ночью опять двинул дальше, до Латвии уже было рукой подать. Мне повезло, там страждущих пересечь границу оказалось не шибко много, я быстро прошел пограничный и таможенный контроль, обменял «зеленые» на «тяжелые» латы, которых на руках оказалось в два раза меньше американских долларов, и снова отправился в путь.

Ригу я проскочил ранним утром, и через полчаса после столицы уже подъезжал к злополучному месту. Когда миновал тот самый слепой поворот рядом с невзрачным хуторком Дреймани, сразу увидел мостик через реку Тейтупе, с оградой, увешанной портретами Цоя, а потом – высившийся слева от него монумент. Рядом с ним и затормозил. Подножие памятника было завалено цветами, стоящими в бутылках и лежащими на гранитных плитах, распечатанными пачками сигарет, разными фенечками. Вышел из автомобиля и зашатался из стороны в сторону; вначале испугался, но потом понял, что с непривычки от слишком долгого сидения за рулем.

Так вот какое это место! Теперь ни за что не забуду... Сколько же с тех пор здесь побывало людей? А теперь – ни одной живой души, тихо вокруг, только и слышно, как шумит ветер в кроне деревьев да беспокойно щебечут лесные пичуги, растревоженные моим появлением.

Было прохладно, по неширокому полю стелился молочный туман с рваными серыми проплешинами. Я застегнул на все пуговицы бушлат и поднял воротник, но это слабо помогло – меня трясло, как в лихорадке, и скорее не от холода, а от присутствия на трагической точке. Но главное, от мысли, которую я пытался осознать: что за непосильную ношу я взваливаю на свои плечи. Неужели именно мне, безумному юнцу, суждено повернуть вспять колесо истории?!

Мне сделалось жутко. Но... едва вспомнив о родителях, успокоился, и все встало на свои места. Я достал «Полароид» и решительно принялся за работу. Долгов будет доволен, получит все, что хотел. К слову, самым трудным из объектов списка стало озеро Ридели: разыскивая, угробил уйму времени, навигатор меня подвел, заведя неведомо куда. Помогли местные рыбаки. Живописное место располагалось посреди леса и оказалось вовсе не озером, а искусственным вытянутым водоемом с крохотным островком посередине.

И хоть на каждой локации я делал по два-три снимка, еще осталась нетронутая кассета, которую я отложил в заглазник, один из тайных отсеков рюкзака. Ближе к вечеру, вернувшись из Юрмалы в Ригу, я наконец закончил работу – отснял все, что требовалось. Последним объектом стал главный вход стадиона «Даугава» в багряных лучах заходящего солнца; снимок получился что надо, было в нем даже что-то особенное. Я это почувствовал, но сформулировать, что именно, пока не мог.

Пока не стемнело я изрядно поколесил по городу, точнее, району, расположенному на правом берегу Даугавы, но Вецригу, то есть старую Ригу, пришлось объехать стороной – там в основном пешеходные зоны, так что полюбоваться красотами Домского собора и другими достопримечательностями рижского средневековья решил в другой раз. Да мне тогда было не до экскурсий, честно говоря. Ну что еще сказать о первых впечатлениях от нового для меня города? То, что я видел из окон машины, радовало глаз, город, хоть и маленький по питерским меркам, но, безусловно, красивый и очень зеленый – повсюду парки, сады и скверы, в отличие от родного Питера. На фасадах домов центральных улиц пиршествовал архитектурный стиль «модерн»: от обилия характерных для него элементов в виде причудливых орнаментов, экзотичных масок, цветных вкраплений на керамических плитках и кирпичах рябило в глазах. Резким диссонансом выступали изредка попадавшиеся – в том числе и на самой главной улице города Бривибас, а не только на окраинах – двухэтажные деревянные дома с облупившейся краской, Бог его знает, какого года постройки, они выглядели не просто провинциально, а

казались нарочито разбросанными деталями, дабы подпортить гармонию столицы. Рига показалась мне «спящим», опустевшим городом этим будничным вечером; на улицах, конечно, попадались люди, но их было не так много, как, впрочем, и машин, что мне оказалось на руку – никаких пробок в центре (в отличие от родного Петербурга). А отсутствие толпы меня не удивило – из-за экономических трудностей и проблем с трудоустройством после вхождения Латвии в Евросоюз многие подались на заработки за границу, главным образом в Ирландию с ее суровым климатом.

Что ж, мне оставалось сделать последний аккорд в поручении Долгова: срочно отправить в Петербург отснятые фотографии, лежавшие в рюкзаке и тяготившие меня, – что касается моих отношений с редакцией, я был крайне обязательным. Необходимо было подстраховаться: кто знает, когда я смогу вернуться домой? Ведь я и предположить не мог, что за опасные приключения меня ожидают в клозетных чертогах, куда я намеревался попасть на свою мятежную голову?

Подкатив к почте, находящейся у железнодорожного вокзала, я с расстройством увидел, что из-под капота неожиданно повалил густой белый дым – верный признак того, что закипел тосол; про зловредную напасть машины Долгов честно предупредил. Следовало срочно обратиться за помощью в ближайший автосервис. Да где его найти, тем более уже вечерело, поэтому я просто плюнул на возникшую проблему, решив обойтись без машины. Все, похоже, отъездила моя лошадка! И мне еще повезло, что неприятность случилось сейчас, а не где-нибудь на полдороге.

Получив на руки тарабарскую квитанцию об отправке ценной бандероли по редакционному адресу, с чистой совестью стал размышлять о дальнейших действиях. Есть почему-то не хотелось, хотя остатки сухого пайка я грохнул еще утром, мотаясь по Юрмале, с той поры у меня во рту и маковой росинки не было. И тогда я подумал, что самое время позвонить по известному номеру – к чему тянуть кота за хвост? – быстро набрал на мобиле заученную комбинацию цифр мобильного телефона Шпилькина.

Дозвонился сразу, ответил скрипучий старческий голос:

– Слушаю вас.

Я поздоровался, назвав себя, и в тот же миг бесцветные интонации, в которых не слышалось никаких признаков жизни, внезапно расцвели, обретя неожиданную молодежную окраску.

– Чувак! – радостно проорал в трубку Илья Данилович. – Как я рад слышать тебя!

Честно говоря, панибратский тон Шпилькина сбил меня с толку – чего-чего, а такого неординарного обращения я от него не ожидал. Создавалось впечатление, что мы с ним знакомы чуть ли не тысячу лет, но как это возможно? Мне восемнадцать, а ему в два с половиной раза больше, и узнал я о нем только несколько недель назад, получив вызов. Так я размышлял, напряженно дыша в трубку, а Шпилькин тем временем продолжил разговор в том же духе:

– Чего молчишь, словно в рот воды набрал? Ты в Риге?

– Да.

– Слушай, нам надо срочно встретиться и поговорить.

– А по какому делу?

– Все узнаешь, чувак, но в свое время... Ты, часом, в «Шкаф» еще не заявлялся?

– В шкаф?! Какой шкаф? – изумился я, да все ли у него дома, у этого старикашки?

– Ладно, неважно. Ты просто пока не в курсе, потом расскажу... Короче, чувак, дело это безотлагательной срочности, не хочу тебя пугать, но... нам обоим грозит смертельная опасность, и с этим срочно надо что-то делать!

– Илья Данилович, – перебил его я, сподобившись обратиться к нему по имени-отчеству, – я в самом деле ничего не понимаю...

– Вот что, чувак, – решительным тоном заявил Шпилькин, – давай обойдемся без лишнего пафоса, он нам ни к чему, зови меня просто Шульц, как прежде.

– Шульц? Просто Шульц?

– Именно! Ты где сейчас?

– У вокзала.

– Отлично. Это недалеко от моего дома. Пятнадцать минут ходу. Встречаемся у «Ленты Мебиуса» через четверть часа.

– Что за лента, где это?

Я зря забеспокоился, он все доходчиво объяснил – как с привокзальной площади выйти на улицу Элизабетес и дальше пройти до пересечения с улицей Бривибас, где как раз и размещается эта местная достопримечательность, воздвигнутая там пять лет тому назад по случаю 800-летия Риги. Эту подробность мне также успел сообщить Шпилькин. То есть, тыфу ты, Шульц!

И я отправился указанным маршрутом. Людей на улицах не прибавилось. Впрочем, на эти обстоятельства я уже не обращал никакого внимания, погруженный в свои тяжкие думы. О чем таком важном он хочет поведать? Какие такие страсти-мордасти нас поджидают? И что это за «шкаф»? Тоже мне нашелся великовозрастный чувак... Ну и все в таком же роде... Я шел быстрым шагом. Мимо уютного сада Верманис с открытой летней эстрадой (слева от меня), мимо помпезного кинотеатра «Рига» (справа), мимо типичного для Риги «модернового» дома № 57-а, стоявшего во внутреннем дворе между двумя примыкавшими к нему зданиями. В этом доме и проживал Шпилькин, помнится, я еще тогда подумал, чего это ради он назначил встречу у какой-то несуразной «ленты», а не дома... Кстати, а вот и она – стоит прямо посреди пешеходного тротуара, идущего вдоль газонов с высаженными деревьями – здесь улица Бривибас почти на два квартала превращалась в бульвар. Как я уже упоминал, шел я быстро, и потому оказался на месте не через пятнадцать минут, а значительно раньше. Два раза обошел концептуальную скульптуру, состоявшую из трех стилизованных лент Мебиуса, образующих число 800. Она, честно говоря, меня не впечатлила, глазам не за что зацепиться, наверное, поэтому я здесь и не задержался, а отправился в обратную сторону. Снова пересек Бривибас, но вышел почему-то теперь на противоположную сторону улицы Элизабетес, встал у пешеходного перехода, ожидая разрешающего зеленого света – только-только загорелся красный. И тут я увидел, как из внутреннего дворика дома № 57-а вышел пожилой человек – достаточно бодро для его возраста – с длинными всклокоченными седыми волосами, развевавшимися на ветру во все стороны. Вне всяких сомнений, это был Шульц, я его сразу узнал по выставленному на его страничке фото, правда, там он был помоложе. Шульц меня тоже узнал, приветливо махнул мне рукой и ускорил шаг, и в это же самое время краем глаза я успел заметить, как на улицу Элизабетес из-за сада Верманис вырулила легковая машина. Она ехала в нашу сторону, водитель явно пытался успеть проскочить на зеленый свет, уже начавший мигать, поэтому прибавил газу и уже включил правый поворотник, готовясь повернуть на Бривибас. Шульц остановился на краю тротуара, как и я, ожидая зеленого. Мы посмотрели друг другу в глаза, и клянусь, на его лице я не заметил ни тени тревоги, никакого беспокойства, наоборот, оно светилось радостью, как я теперь понимаю, от встречи со старым другом; думаю, в эту минуту он ощущал себя по-настоящему счастливым человеком. Шульц еще раз мне улыбнулся, а потом шагнул на проезжую часть дороги... прямо под колеса мчащегося автомобиля!

Все произошло неожиданно и быстро. Водитель, конечно же, видел, как под колеса его машины кто-то стремительно и опрометчиво шагнул, но свернуть в сторону не успел. Раздался глухой удар, и Шульц, точно тряпичная кукла, неловко кувырнулся сначала вбок, потом на землю. Я зажмурился, инстинктивно втянув плечи внутрь, весь скукожился, сжался в комок – было такое чувство, будто это меня самого шибануло автомобильным крылом. Только и услышал, как противно взвизгнули покрышки уезжавшего с места происхождения автомобиля. Открыв глаза, увидел на тротуаре метрах в трех от проезжей части абсолютно недвижимого Шульца, лежащего на спине с раскинутыми в стороны руками и неестественно вывернутыми

ногами. В расплывающейся багровой луже крови пугающе выделялась голова с разметанными по асфальту седыми волосами. Как увидел его таким, так сразу понял: он – мертвый, живые люди так не лежат. Стоял, наверное, секунд пять как вкопанный, остолбенев от дикого ужаса, и просто не мог поверить глазам, а потом бросился бежать в сторону сада Верманис. У меня элементарно сдали нервы, и первым желанием было избавиться от внезапно возникшего кошмара. Уже на привокзальной площади меня догнал скулящий вой одинокой сирены «скорой помощи» или полиции, прибывших к бедному Шульцу.

Интуитивно я стремился к своей «Ладе», точно к спасательному кругу. Вот и она, стоит, дожидаясь хозяина. Клацая зубами, точно отбивая морзянку, долго не мог вставить в щель ключ зажигания – руки тряслись, как у алкаша. Хотел только одного – как можно быстрее убраться из Риги и мчаться обратно в Питер, вновь оказаться в привычной домашней обстановке, быть рядом с дядей, готовить нам обоим еду, зубрить латынь – да-да, я грезил даже об этом пренеприятном факторе (у меня, как известно, переэкзаменовка была не за горами, чтобы избавиться от ненавистного «хвоста»; «пора уж браться за ум», как говаривал мой добрый дядюшка). Так я себя успокаивал, пытаюсь выкинуть, стереть из памяти, как ненужный файл, забыть чудовищно-страшное происшествие, свидетелем которого стал... Наконец мне удалось вставить ключ, машина завелась с пол-оборота, и я с места рванул по направлению на восток – вперед! На Питер! Но не проехал, наверное, и километра, как из-под капота повалил белый дым – опять закипел тосол. В бешенстве саданул пару раз по клаксону. «Лада» просигналила душераздирающе звонко, и этот неугомонный звук неожиданно привел меня в нормальное состояние. Я смог спокойно припарковать машину к обочине и задуматься. Куда бегу? От кого? И главное – зачем? Мне выпал шанс изменить историю. Кто спасет моих родителей, кроме меня? Действительно – ну кто еще выполнит эту миссию? Нет, рано мне сдаваться, еще ничего толком не предприняв... И тут мне пришло в голову: а вдруг удастся неким чудесным образом подправить сложившуюся реальность и Шульц, так нелепо погибший у меня на глазах, в конечном итоге останется в живых. Бред? А вдруг!.. Да, эту партию стоило сыграть. Так что, дружок, сказал я себе тоном, не терпящим возражений, вытаскивай тощий зад из салона авто и делай то, что предписано!

Перво-наперво я решил вернуться на место происшествия и проверить – а вдруг Шульц жив? Меня, точно преступника, тянуло туда, но... я себя, конечно же, таковым не считал, совесть у меня была чиста, без сомнения, произошедшее – фатальная случайность. Для Шульца, само собой. Уже издалека увидел мерцающий свет от включенных «мигалок» – двух полицейских машин и одной «скорой помощи», припаркованной прямо на тротуаре. Улица Элизабетес в обе стороны была закрыта для дорожного движения. Здесь уже толпилась стайка зевак, полицейские, шустро работая рулетками, заносили данные в протокол, тело Шульца лежало на носилках, с головой покрытое белой тканью, а на тротуаре, где растеклась лужа крови, на месте жертвы остались лишь обведенные мелом очертания – все было ясно.

Мне тут делать нечего, ну действительно, чем я мог помочь? Дать показания полиции, чтобы найти убийцу-водителя, но я не запомнил номера машины, да что там говорить – даже цвет автомобиля не мог вспомнить, а не то что его марку. Нет, старику Шульцу я не помощник, да и ему самому вся эта возня уже «до фонаря», к сожалению, с того света свидетельскими показаниями человека не вернуть. Я медленно прошествовал мимо брэнного тела, мысленно прощаясь с ним, и завернул налево за угол, выйдя на бульвар Бривибас. В полукилометре от меня маячил величественный обелиск Памятника Свободы, по периметру красиво освещенный прожекторами, и я зашагал в ту сторону.

Через полчаса я уже сидел за столиком в ресторане гостиницы «Рига». Ноги меня, кстати, сами туда принесли, шел себе и шел, пока глаза не уткнулись в вывеску, отливающую золотом, с надписью из двух слов – Viesnīca Rīga. Кстати, гостиница расположена буквально в двух шагах от Памятника Свободы, и идти пришлось совсем недолго. Я по-прежнему находился в подав-

ленном состоянии, наверное, еще и часа не прошло с того момента, как разыгралась трагедия, и у меня перед глазами стоял Шульц, делающий роковой шаг навстречу смерти... Однако, почувствовав отдаленный запах съестного, понял: если немедленно не перехвачу чего-нибудь, со мной случится голодный обморок или что еще похуже. Конкретных планов по-прежнему не было, поэтому разумнее было сперва поесть, а там решать, что делать дальше.

В зале ресторана, полупустом этим будним вечером, ресторанный бэнд негромко играл что-то сентиментальное, как раз для влюбленных – и кто-то из пар зря времени не терял, медленно двигаясь на пяточке перед невысокой эстрадой, в то время как я ложку за ложкой уплетал наваристый мясной суп. Доев суп, попросил долговязого флегматичного официанта, принявшего у меня заказ, принести добавку (аппетит разыгрался, возможно, отчасти на нервной почве). Уминая вторую порцию, я думал только о дальнейших действиях, проигрывая в уме возможные варианты (понятно, что эта тема меня терзала беспрестанно и касалась возможного в самом ближайшем будущем гипотетического прыжка во времени, хотя именно за столом и не следовало заострять внимание на приведенных ниже деталях). И в самом деле, стоило мне мысленно переключиться на несоответствующую трапезе тему (не успев в полной мере насладиться отменными говяжьими фрикадельками в супе, что оказались, честно говоря, не хуже моих), как я был тотчас наказан: фрикаделька попала в дыхательные пути, я закашлялся, беспомощно размахивая руками, что расторопный официант принял за призыв о помощи и хорошенько приложился кулаком промеж лопаток. Я был спасен и беспечно продолжил свои философствования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.